

В. Б. Колосова

КОНСТРУИРОВАНИЕ ФОЛЬКЛОРА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

*(по материалам фольклорно-этнографических экспедиций в село
Старые Бросковцы Сторожинецкого района Черновицкой области)¹*

Историческая справка. Черновицкая область расположена на юго-западе Украины и занимает северную часть исторической области Буковина. Последовательно входила в состав Киевской Руси, Галицко-Волынского княжества, Молдавского княжества, Османской империи, Австро-Венгерской империи, Румынии, Советского Союза. Здесь Штефан Великий воевал с поляками и турками. После победы он привел колонистов-румын. Первые упоминания о селе Бросковцы относятся к XVII веку (название села образовано от молдавского слова *броаске* «жаба»). В 1888 году житель села Бросковцы Иван Илика, добившись аудиенции у императора Франца-Иосифа, вручил ему просьбу односельчан о разделе села на две части. Просьба была удовлетворена, и в 1889 году вдоль дороги Сторожинец — Бобивцы провели границу между селами Старые и Новые Бросковцы. В селе проводилась политика насильственной румынизации, преподавание в школе велось только на румынском языке. В 1940 году Буковина стала принадлежать Украинской республике, и в селе была создана сельская Рада. В июле 1941-го вернулась румынская власть, а в 1944-м — снова восстановлена советская. Теперь — независимая Украина.

Статья подводит итоги двух фольклорно-этнографических экспедиций на Западную Украину (Черновицкая область, 1999 и 2000 годы). Во время этих поездок выяснилось, что некоторые сведения, полученные от информантов в ответ на вопросы собирателя, услышаны ими по радио или телевидению или почерпнуты из книг и газет. Это значит, что обычный процесс передачи знания внутри традиции теперь существует параллельно с процессом проникновения знания в традицию извне. Парадокс заключается в содержании этого знания. Из радио- и телепередач жители села узнают, как нужно отмечать религиозные праздники, каковы традиционные способы использования лекарственных трав и так далее. Таким образом, получая и усваивая эту информацию, народная традиция

из источника фольклора, который изучает фольклористика, становится «учеником», которому этот фольклор преподают. Помимо средств массовой информации есть и другие источники, которые воздействуют на традиционную культуру и изменяют некоторые ее элементы. Источники эти могут оказывать влияние как стихийно, случайным образом, так и намеренно, с определенной целью. Сделаем попытку составить их классификацию.

Влияние городской жизни постоянно и существует издавна. В первую очередь оно отражается на материальном коде традиционной культуры. Ритуальные предметы, которые раньше изготовлялись вручную, теперь можно купить в магазине. Это влияние отразилось и в изменении яркой свадебной одежды на белое платье невесты и городской костюм жениха. В результате цветовая символика традиционной культуры также изменилась: красный цвет, традиционно означающий девичество (ср. устойчивое выражение *красна девица*), теперь ассоциируется с замужней женщиной². В соответствии с этой переменной не только платье, но и цветы в свадебных *квитках* (небольших букетиках, прикрепляемых на грудь всем участникам свадьбы) и венке невесты теперь белые. На второй день свадьбы на квитки всем гостям прикрепляли кусочки красной ленточки, что символизировало дефлорацию и, следовательно, подтверждало «честность» невесты.

Другой интересный пример касается отношения к вопросу о чете и нечете. Традиционно четное количество считалось уместным на свадьбе: «...потому что говорили, что нужно в паре всегда быть» [ЕУ—черновиц—99³; 2; КОД]; «Так мама казала, и так все было, и так до церкви ишли, я ж кажу, шли на свадьбу, туда шли, тилько парно. Ну колысь бильше несли... ну, кто тарилки на свадьбу... И то старалися, шо несли, все парно нести» [ЕУ—черновиц—99; 9; ИКИ]. Число свадебных подарков, свечей, калачей и других предметов подчеркивало идею парности, столь важную при образовании новой семейной пары. И наоборот, по словам пожилых информантов, «на похоранья никто парно ничо не клал» [ЕУ—черновиц—99; 9; ИКИ]. На похоронах старались обеспечить непарное количество предметов, например ставить непарное количество свечей. В другое время это считалось недопустимым, и не только в украинской традиции; так, «три свечи на столе — к покойнику», поэтому три свечи не ставят даже на Троицу (Даль, 1991. Т. 4. С. 159). Такой обычай поддерживался сильной мотивацией: если кто-нибудь принесет что-то четное на похороны, умрет кто-нибудь еще, то есть покойный возьмет себе «пару»: «Кажут, шо той, шо умер, он пары немае и не буде мати. Он до церкви як несут — за здоров’е несут два колачи, а за умирлого три, або п’ять» [ЕУ—черновиц—99; 9; ИКИ].

Эта мотивировка вполне вписывается в систему отношений между четом и нечетом как в этой локальной традиции, так и за ее пределами (по крайней мере, на восточнославянской территории). Например,

в Винницкой области вареники на свадьбе перевязывают попарно ниточкой (Шубравська, 1970. С. 424). На этом фоне кажется вполне естественным, что идея парности распространяется не только на сам свадебный обряд, но и на предваряющие его гадания о замужестве. Так, в белорусском рождественском гадании четное количество дров, захваченных из поленницы, предвещало девушке приезд сватов в наступающем году. Таким же образом истолковывалось четное или нечетное количество саженей в выбранном наугад участке плетня или частокола (Дмитриев, 1869. С. 235). В Подольской губернии девушки пекли 29 ноября *балабушки* (пшеничные булочки) — по паре на каждую гадающую. Чью пару съест собака, впущенная в комнату, та скоро выйдет замуж (Шейковский, 1861. С. 31). В рассматриваемой локальной традиции противопоставление чета и нечета актуализировалось и в распространенном повсюду гадании на ромашках. Наряду с обычной, известной всем формой гадания, когда лепестки цветка обрываются по одному с приговором «любит — не любит», было сообщено о гадании, когда лепестки обрываются по два и результат гадания зависит от количества оставшихся лепестков: «як напоследку выходит два, то хорошо, а як выходе один, то не получится» [ЕУ—черновиц—99; 1; КМИ]. Хотя таким образом можно гадать об успехе задуманного предприятия вообще, а не конкретно о свадьбе, однако, как известно, практически все девичьи гадания так или иначе касаются замужества.

Однако такая схема (нечет — похороны, чет — свадьба) кажется естественной лишь информантам старшего поколения. Они утверждают, что ситуация осталась неизменной, по крайней мере со времен их молодости:

Соб.: *А я слышала, что у вас еще давно, когда на похороны несли гроб, цветы клали только непарно. Три или пять...*

Инф.: *Так и теперь носят, все непарно.*

Соб.: *И теперь непарно кладут?*

Инф.: *Да.*

[ЕУ—черновиц—99; 9; ИКИ]

В то же время более молодые жители села — сорока и менее лет — придерживаются противоположной точки зрения. Очевидно, именно сейчас в селе идет смена традиции, и на данном этапе два ее варианта действуют одновременно. Большинство информантов считают «свою» схему не только правильной, но и единственно возможной, зачастую даже не подозревая о существовании другой. Хотя есть свидетельства о том, что старики замечают «нарушения», относясь к ним, естественно, с возмущением: «Это старики говорили. Бабушка рассказывала, шо когда-то она была молодая тут... почему щас на свадьбу несут непарные, а мертвому — зачем ему пара?» [ЕУ—черновиц—99; 2; КОД]. Причем применение другой схемы объясняется именно принадлежностью «нарушителей» к дру-

гой возрастной группе: «Ну так ци молоди дают, а у нас колысь не було це, разговору не було такого — якшо на свадьбу, тарилок — то тилько парно, дви, або чотыре, або шить, тилько парно на свадьбу несли, а теперь уже все непарно. Никольсь це не було, шобы це непарно» [ЕУ—черновиц—99; 9; ИКИ].

Теперь же под влиянием городской культуры ситуация изменилась на прямо противоположную. Само понятие подарка также претерпело изменения. Прежде подарком считались только полезные вещи — одежда, ткань, продукты или готовые блюда: «Раньше... кто дарил раньше цветы, раньше подарки дарили. Раньше казали то шо цветы, це не подарок — цветы, цветы завяли и ничо нема. Дарили подарки, а зараз дарят цветы, зараз це уже красота — цветы, це интересно» [ЕУ—черновиц—99; 2; КСД]. Хотя информанты могут и не осознавать традицию как установившееся правило, обязательное для всех, и чаще всего говорят, что дарят «кто что может», но при этом называют одни и те же предметы. Например, в состав *крьжмы*, по сути представляющей собой подарок молодой матери, входят платочек, полотенце, ткань, простыня, рушник, сорочка, покрывало, пододеяльник. Как видно, все это предметы, нужные в домашнем хозяйстве. При таком отношении к подарку, который должен быть прежде всего полезной вещью, цветы, естественно, не считались подарком достойным и самостоятельным. Сейчас можно сказать, что положение изменилось, но с некоторыми оговорками.

Во-первых, при вопросе о цветах как подарке обычно вспоминают о цветах, купленных в городе. Старики говорят, что теперь молодежь не хочет сельских цветов (хотя почти в каждом огороде выращивают цветы не хуже тех, что можно купить в магазине). Так что теперь цветы можно назвать «городским» подарком и по культурной традиции, и по месту приобретения.

Во-вторых, подарить цветы считается знаком уважения среди интеллигенции, культурных людей: «Як то интеллигентна людина, то положено квиты дарувати, то розумие, шо то найприємнийше»⁴ [ЕУ—черновиц—99; 4; ЧМГ], а также принято среди молодежи (одна из информанток назвала цветы «молодежным» подарком) [ЕУ—черновиц—99; 9; БАН]. Впрочем, кажется, и старики уже приняли эту перемену, так как, по словам другой информантки (1938 г. р.), «без цветов теперь нема ничего» [ЕУ—черновиц—99; 4; КМД], однако старикам и сейчас принято дарить вещи (в основном материал на одежду, платок, полотенце) или деньги. Цветы не воспринимаются ими как подарок, и люди среднего поколения осознают это и учитывают при выборе подарка: «Старшим людям даруют якийсь рэчи»⁵. Более того, такой знак внимания, как цветы, может вызвать активное неудовольствие со стороны людей пожилого возраста: «На што вы мени принесли, то ми липше бы хустку принес...» [ЕУ—черновиц—99; 4; ЧМГ].

Целый ряд перемен связан с изменением экономических и социальных условий жизни: так, женщины стали рожать в роддомах (и, следовательно, исчез весь институт отношений роженицы с повитухой). Однако цивилизация подарила селу не только блага: например, задавая вопрос об освящении маковых головок на Маковея или об осыпании скота маковым зерном на Юрия, зачастую можно услышать, что мак сажать перестали из-за наркоманов, портящих огороды. Вносит свои требования и государство: после присоединения Буковины к Советскому Союзу жителям пришлось вместо церкви св. Иоанна в Сучаве, которая осталась на территории Румынии, посещать на день Иоанна Крестителя другие церкви. Таким образом, «сакральная карта мира» в сознании информантов претерпела изменения.

Влияние церкви. Церковь всегда пыталась поучать прихожан и изменять их поведение, особенно в том, что касается языческих пережитков в верованиях и ритуальных действиях. Однако это влияние существует так долго (и, что еще важнее, не прерывалось в годы Советской власти), что воспринимается как естественная часть повседневной жизни. Некоторые поучения выполняются, так как жители просто не могут этого избежать. Так, в последнее время в одной из двух церквей села по настоянию священника платок на голове стал обязательной деталью одежды не только для замужних женщин, но и для девушек и даже маленьких девочек:

Инф.: *Это щас так... поменялось... ну, это у батюшки Валерия там... Матерь Божя она... ии привели малэнькую в Ерусалим, в церкву, так вона пришла с покрытою головою, и того теперь вси уже в платках, а ранийше цьго не було...*

Соб.: *А вы в какую церковь ходите? Тоже к Валерьяну Михайловичу или в другую?*

Инф.: *Не, у нас тут есть...*

Соб.: *А у вас девочки без платочков ходят?*

Инф.: *Да. Ну, коли холодно... одевают платочек, а коли так вот — без платочка.*
[ЕУ—черновиц—99; 2; КОД]

Здесь традиция находится в процессе изменения. Если среди прихожанок одной церкви положение уже изменилось, то в другой осталось прежним. Интересно, что, когда одной из информанток пришлось объяснить, почему замужние женщины должны покрывать голову, для нее рассказ о платке Богоматери выступал как мотивация того, что платки должны носить именно замужние женщины: «Матерь Божя мае хустку на голови. Мама рассказывала так: виддала се — не маешь права се розвити» [ЕУ—черновиц—99; 4; КМД].

Другой пример касается церкви и государства одновременно — это основание Украинской автокефальной церкви. Одни жители села думают, что политические границы не имеют ничего общего с верой и церковными делами. Другие полагают, что новое независимое государство

должно иметь свою собственную церковь, то есть считают модель «церковь = государство» нормальной и естественной. Однако это не только идеологический вопрос. После того как церковь в Сучаве стала недоступна, в день св. Иоанна стали посещать село Бобовцы, где располагается церковь св. Иоанна и источник, считающийся целебным. Теперь и это не практикуется, так как церковь в Бобовцах перешла под протекторат Украинской автокефальной церкви, а обе церкви села Старые Бросковцы по-прежнему принадлежат Московскому патриархату: «...и батюшка наш... як бы ни в расколе, то мы тоже бы вси пишли и батюшка бы пишол... где в Бобивцах... а там в расколе... мы не маем шо туда ийти» [ЕУ—черновиц—99; 2; ГВР].

С другой стороны, есть и безуспешные усилия. Все попытки церкви запретить гадания на день св. Андрея или битье веточками вербы на Вербное воскресенье оказались безрезультатными. Прихожане также убеждены, что нет смысла святить травы в другие праздники, кроме Иванова дня, так как целебной силы они не приобретут.

Есть и такие примеры, которые скорее относятся к разряду курьезных. В день Иоанна Крестителя священник в проповеди говорил, что нехорошо называть св. Иоанна Купалой или Зилляком, это языческий бог, и не надо его путать с Иоанном Крестителем. Между тем *Иван Купала* — название в местной традиции неупотребительное. Раньше этот святой назывался *Иван Сучавский*, так как в этот праздник все шли в Сучаву; теперь, когда Сучава осталась в Румынии, святой называется *Иван Зильовый* или *Иван Зилляк*. Так церковь, стараясь предупредить распространение языческих представлений, невольно распространяет их сама.

Средства массовой информации. Местные газеты публикуют народные легенды о растениях, объясняя их символическое значение, способы магического применения и лекарственные свойства. Существуют также радиопрограммы о травах, используемых в народной медицине. Кроме того, по радио и телевидению идут программы, которые освещают историю происхождения тех или иных церковных праздников, а также советуют, какие ритуальные действия следует выполнять в этот день.

Инф.: *Це... я тебе зараз скажу, най котри це говоря, котрий це... цей, шо рассказывае* [пытается вспомнить фамилию ведущего радиопередачи, но безуспешно]. *Он сам про себе... ну, виставляе, хто вин такой е, тай... говорит за те свята вси. Котри свята до чего.*

Соб.: *А он целый год так про каждый праздник рассказывает?*

Инф.: *Да.*

[ЕУ—черновиц—2000; 17; КМИ]

Однако при этом не вся терминология и пропагандируемые обычаи знакомы жителям данного региона, поскольку передачи готовятся централизованно и транслируются повсеместно, без учета

особенностей локальных традиций. Например, как мы уже говорили, день св. Иоанна в Старых Бросковцах традиционно называется *Иван Сучавский* (по названию города Сучава, куда ходили в этот праздник) или *Иван Зильовый*, *Иван Зилляк* (то есть Иван Травник), поэтому на вопрос «Как у вас называется этот праздник?» обычно отвечают: «Мы называем Ивана Зильового, а по радио кажут, шо Ивана Купала». Такое на первый взгляд мелкое и безобидное дополнение к местному термину может иметь далеко идущие последствия.

Соб.: *А не купались в цветах?*

Инф.: *Не купались николись, я не ходила, це у нас не було, я це не знаю, чтобы шли купаться, це теперь я чую, це Ивана Купала, це купаются, а це раньше у нас таке не було, я це не знаю. Таке раньше.*

[ЕУ—черновиц—99; 5; БКД]

Литература. Отдельные энтузиасты из жителей села занимаются сбором фольклорного и этнографического материала. По материалам, собранным в соседнем селе Новые Бросковцы, была издана книга, описывающая историю села, его культуру, национальную одежду, традиции и обычаи, ведение хозяйства, народную медицину⁶. В настоящее время готовится аналогичное издание о Старых Бросковцах. Такая книга в глазах жителей села должна быть ценна вдвойне: из-за высокого авторитета печатного слова и в силу того, что информация собиралась среди жителей именно этого села и хорошо знакомыми им людьми: «У нас собирала скільки три года четыре... собирали спочатку всю историю Броскивцев, и наша вчителька вот Манилич Мария Григорьевна, она е ще тепер, она вот выдала цю книжку» [ЕУ—черновиц—99; 1; ИКИ]. Довольно часто после ответа на интересующие собирателя вопросы (а то и вместо ответа) информанты предлагают почитать эту книгу. Иногда они даже пользуются почерпнутой из нее информацией для ответа на вопросы собирателя. Кроме того, сельчане, особенно пожилые женщины, охотно читают книги о лекарственных травах и пользуются их рецептами для самолечения. Последняя группа книг, влияющих на традиционную культуру, — методические брошюры. Но о них уместнее поговорить в контексте последнего источника влияния.

Образование. Это самый сложный источник, так как его влияние имеет долговременную перспективу. Сельские школьники, с точки зрения добросовестного фольклориста или этнографа, наиболее проблемные и «неудобные» информанты: они получают знания о традиционной культуре сразу из двух источников, то есть в повседневной жизни, «от бабушки», и в школе, по книгам и лекциям учителя. Поэтому, интервьюируя детей школьного возраста, всегда приходится задавать вопросы типа «Кто так говорит?», «Где ты это узнал?» и т. д. Характерно, что сведения о символике, например, цветов в том виде, как они подаются в школе, совершенно не выводятся из рассказов стариков. Очень под-

робно описывается в школьной тетради и цветовая символика ленточек для веночка, которые в местной традиции вообще не принято было носить: «Стрички до виночка: в середине светло-коричнева стричка — символ земли, по бокам жовтие — символ солнца, за ними светло-зелени — символ красоты и молодости, потим голуби — символ неба и воды, що дают здоровье и силу, далее оранжевые — символ хлеба, фиолетовые — символ мудрости людини, малинови — символ душевности та щирости, рожеви — символ достатку».

В школах, в рамках занятий *народознавством*⁷, используются сценарии для инсценировок традиционных праздников и обрядов, например свадебного обряда или пострига ребенка. Авторы школьных методичек с гордостью пишут, что «чудесные народные праздники, обряды, обычаи, такие, как вечерницы, купальские обряды, проводы зимы, шаг за шагом возрождаются на Украине» (Жмундуляк, Вержак, 1996. С. 67). Проблема в том, что они либо возрождаются в виде, не свойственном именно этой локальной традиции, либо и вовсе появляются в ней впервые: «...а так в общем-то у нас Ивана Купала оно не отмечалось, но хотя — ставилось у нас в школе тоже когда-то... толком не помню, это было, что на Ивана Купала, типа это, когда-то было у нас так — припоминаю, делали... хороводы были, и... костер делали, через костер перепрыгивали, это были такие игры... живое разукрашивали дерево разными ленточками делали... как Вам сказать, и возле этого дерева все проходило, все хороводы» [ЕУ—черновиц—99; 1; КОД]. В то же время из опросов информантов старшего возраста следует, что для купальской обрядности данного региона ни устройство костров, ни украшение дерева не были характерны.

Аналогичные трудности существуют в работе со студентами. Студенты Черновицкого университета, среди которых немало и сельской молодежи, получают знания об украинской традиционной культуре из повседневного опыта и из университетских лекций. При этом сведения могут значительно разниться и даже противоречить друг другу. Так, в лекциях присутствовало упоминание о девичьем гадании с пусканием венков на воду. В то же время в рассматриваемой локальной традиции такого обычая не было.

Таким образом, индивид имеет два источника информации, которые ему трудно примирить между собой. Один из них влиятелен в силу своей престижности, другой знаком с детства и также сомнению не подлежит. Как результат, в сознании возникает желание примирить эти два источника. Тогда один из них может как бы отодвигаться в более отдаленное время. Кроме того, когда теперешние школьники и студенты достигнут солидного возраста и сами будут считаться хранителями традиции, будет вполне естественно, если в их сознании сведения, полученные в школе или университете, смешаются с рассказами старших.

Итак, среди различных источников влияния на традиционную культуру мы можем видеть такие, которые могут быть названы «естественными» и неизбежными, — это прежде всего городская жизнь, влияние которой проявляется главным образом в материальном коде традиционной культуры. С другой стороны, существует влияние вполне осознанное и намеренное — со стороны средств массовой информации и образовательных учреждений. Каковы же задачи такого конструирования фольклора?

Они достаточно ясно заявлены в методических пособиях по *народоведению* и *украиноведению*: «В светлый и благословенный час национального возрождения одной из важнейших задач школы является возвращение из небытия духовного наследия мудрых предков, возобновление добрых традиций, праздников, приобщение делами, разумом и сердцем к самобытной материальной и духовной культуре родного народа» (Жмундуляк, 1998. С. 3); «национально-духовная жизнь нового поколения должна стать на законную основу»; «украиноведство должно помочь в воспитании настоящих украинцев»; «пора посмотреть более внимательно и изучить обычаи нашего народа, найти в них то рациональное зерно, которое в будущем обеспечит благосостояние и процветание державы»; «тренировка будущих специалистов в культурном наследии своего народа гарантирует их восприятие национальной уникальности украинского этноса и формирование в них чувства национального достоинства и чести» (Жмундуляк, Вержак, 1996. С. 3, 4, 32).

Иногда в доказательство уникальности этноса приводятся довольно неожиданные доводы: «Кроме украинцев, ни один индоевропейский народ не имел обычая печь пироги» (Там же. С. 49).

Формулируя коротко, эту задачу можно определить как унификацию представлений о традиционной культуре с дальнейшей целью укрепления национального самосознания.

Такую ситуацию можно сравнить с аналогичными процессами в России, описанными в докладе А. Б. Мороза «Информант “верящий” и “неверящий”». Современное состояние традиционной культуры и проблемы полевой фольклористики» на конференции «Полевые методы в социальных науках» в Европейском университете в Санкт-Петербурге 8 апреля 2000 года: «сбой естественного механизма передачи знания компенсируется всеми доступными способами, в том числе и прямо противоречащими традиционным». Но, помимо явного сходства, есть и различия. В нашем случае парадокс заключается в том, что «сбой естественного механизма передачи» не было — данная локальная традиция весьма устойчива в силу целого ряда причин. Село очень велико — более двух тысяч дворов, несколько тысяч человек. Присоединено оно было, как и вся Буковина, после войны, когда коллективизация проводилась уже не столь жестокими методами, а антицерковная политика

практически отсутствовала; бегства из колхозов не было, напротив — большинство крестьян вспоминает это время как наиболее благополучное. Как следствие, отток из села в город невелик, в селе представлены все возрастные группы, каждый год играют свадьбы. То есть естественный механизм передачи традиции не подменяется книгами и средствами массовой информации, а существует параллельно с ними. Другими словами, традиционные способы передачи знания находятся в тесном соседстве с «прямо противоречащими традиционным». Это может иметь серьезные последствия. Ведь традиционная культура не только теряет что-то, она что-то и приобретает. Хотя при сравнении воспоминаний информантов о прошлом с современными наблюдениями может показаться, что традиция разрушается, но при этом она не только теряет какие-то элементы, но и вбирает в себя новые, осмысляя их с помощью уже существующих схем. Значит, уже через одно-два поколения мы можем получить картину, при которой старшее поколение уже ушло, а младшее обладает знанием псевдотрадиции, которая была сконструирована искусственно, унифицирована для всей территории государства и не имеет вариативности, свойственной подлинной традиционной культуре.

Список факторов, влияющих на традицию, разумеется, не исчерпывается вышеперечисленными. Изменение условий (социальных, экономических, политических) может не только уничтожить элементы традиции — оно еще и создает новые детали и целые обряды.

Перемены отражаются не только на благосостоянии жителей, но и на их представлениях, связанных с членением пространства. Когда какой-либо населенный пункт, включенный в систему календарной обрядности, по той или иной причине оказывается недоступным, жители вынуждены менять устоявшуюся схему посещения ряда соседних сел в рамках годового цикла церковных праздников.

В дальнейшем было бы интересно и перспективно исследовать некоторые другие аспекты этой проблемы, например отношение ко всем вышеперечисленным факторам и их иерархию с точки зрения информантов.

Еще одно интересное направление для дальнейшего исследования — отношение «представителей» одних источников влияния к другим. Так, школа имеет свое мнение о поучениях священнослужителей: по словам одной преподавательницы, «расходятся погляды церковнослужителей и учителей; бачите, мы дитив учим тих традиций, як то було колысь, а воны вже на свий лад перебудовають, говорят в церкви так, як им wygodнийше... люди не ти що дуже вируючи, а просто вин, чтоб заборонити передки, так мае бути, як вин сказав... что церква — це перши духовни дим, а школа — другий дим... сначала из школы вышли, сначала школа их выучила...» [ЕУ—черновиц—99; 3; ЧМГ]. Учительница также выразила недовольство тем, что все говорят по-разному: кто

день Ивана Крестителя, кто Ивана Купала, а дети не понимают, как правильно, их дезориентируют.

Но одна проблема актуальна прямо сейчас: что мы действительно изучаем в таком случае — старый, «настоящий» фольклор или что-то искусственно сконструированное? Сейчас у нас пока еще есть возможность сравнить, основываясь на словах информантов старшего возраста, «как было всегда» и «как сейчас». Но, в конце концов, для каждого информанта в отдельности «как было всегда» означает всего лишь как это было в его детстве. Для современного поколения детство соотносится со школьным возрастом. А значит, довольно скоро, проводя полевые исследования, мы можем получить *fakelore* вместо фольклора, и весьма на большой территории. Это тем более вероятно в новых независимых государствах, для которых вопрос укрепления национального самосознания особенно важен.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке «Института Открытое Общество» (RSS No.: 1140/2000).

² Подробнее на эту тему см.: Левинтон, 1988. С. 151–152.

³ ЕУ–Черновиц–99 — материалы экспедиции Европейского университета в Санкт-Петербурге в Сторожинецкий р-н Черновицкой обл., 1999 г. ЕУ–Черновиц–2000 — материалы экспедиции Европейского университета в Санкт-Петербурге в Сторожинецкий р-н Черновицкой обл., 2000 г.

⁴ Наиболее желательно.

⁵ Вещи, предметы.

⁶ Маніліч, Тарновецький, 1993.

⁷ Школьный предмет, дающий знания об истории и традиционной культуре Украины.

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1991. Т. 4. 683 с.

Дмитриев М. А. Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильна: Печатня А. Г. Сыркина, 1869. 264 с.

Жмундуляк Д. Д. Українознавство в запитаннях і відповідях (для учнів, вчителів та батьків). Чернівці: Хотинська райдрукарня, 1998. 100 с.

Жмундуляк Д. Д., Вержак Р. Б. Українознавство в старших класах (для учнів, вчителів та батьків). Чернівці: Районна друкарня, 1996. 207 с.

Левинтон Г. А. К вопросу о «малых» фольклорных жанрах: их функции, их связь с ритуалом // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора I: Тезисы и предварительные материалы

- к симпозиуму. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1988. С. 148–152.
- Маніліч М. Г., Тарновецький О. М.* Нариси з історії села Нові Бросківці Сторожинецького району Чернівецької області. Сторожинець: Районна друкарня, 1993. 68 с.
- Шейковский К.* Опыт южнорусского словаря. Т. 1. Вып. 1. Киев: Типография И. и А. Давиденко, 1861. 224 стб.
- [*Шубравська*] Весілля в селі Мізюківські Хутори Вінницького району Вінницької області. Опис М. М. Шубравської. Мелодії записав О. А. Правдюк. 1967 // Весілля. Т. II. Київ: Наукова думка, 1970. С. 376–425.